

Не было в то лето счастливее человека, чем Тамерис. Её сын, семилетний Олагай, впервые участвовал вместе с родителями в волчьей охоте.

— Вот и становится наш мальшш мужчиной, — взволнованным шёпотом говорила она мужу, глядя на спящего сынишку, уставшего после долгой скачки и бурных событий этого памятного дня.

Князь Берекет молча обнял Тамерис и в который раз подумал, как ему повезло с женой. Они были вместе уже восьмой год, а Берекет был влюблен в Тамерис, словно мальчишка. Хотя давно пора было остепениться, всё же князь, глава большого клана, властитель гор, полей, рек. Его подданные знали Берекета как властного человека, отважного воина, справедливого правителя, собственно, он таким и был. И только в родном доме он становился другим — мягким и нежным, заботливым мужем и

добрым отцом, любил играть с сыном, хохотал до слёз, когда Тамерис подыгрывала им в весёлой возне и забавах.

Сын уснул, Берекет поцеловал жену в золотистый завиток на шее: «Отдыхай, милая, ты тоже сегодня устала. А я вернусь к гостям».

В княжеском хачеше, специальном доме для гостей на территории усадьбы, друзья продолжали праздновать удачную охоту.

Тамерис прошла в свою комнату и вытянулась на постели. Перед глазами всплывали моменты прошедшей охоты. Она была удачной, хотя и вынужденной. Обычно в их местах на волков охотились зимой, загоняя по снегу и пороше. В холодное время волки лютовали, жестоко резали скот, не боясь никого, врываются даже в сараи и уносили добычу. А тут беда от серых хищников пришла летом, когда в лесу было полно дичи и не было волкам нужды убивать домашний скот. Непонятно, что случилось, но только вот уже две луны, как не стало жителям селения житья от обезумевших зверей. Нападали и резали без разбора всё стадо, уносили одну тушу, всё остальное бросали. Терпению жителей селения пришёл конец, когда стая волков напала на пастуха Касима. И хотя отбивался он от них тяжёлым батоном, кричал и звал на помощь, порвали его звери, не выжил пастух. Вот тогда и решил Берекет организовать по всем правилам охоту на волков.

Прошли опытные люди по волчьим следам, определили, куда уходит на ночёвку стая, где логово. И с ночи, с подветренной стороны, чтобы звери раньше времени не почуяли всадников, выдвинулись на облаву.

Тамерис вспомнила грохот колушек по медным листам, испуганное ржание лошадей, свист стрел. Берекет поставил её с сыном на узенькой тропке у оврага. Князь решил, что это самое безопасное место, волки должны будут прорываться с другой стороны, у ручья. И действительно, Тамерис с Олагаем после изнурительной скачки перевели дух в засаде, а потом с завистью прислушивались к звукам сражения, доносившимся издалека. Но мать с сыном не расслаблялись. Олагай крепко держал самый настоящий лук. Стрелять он научился давно, легко сбивал уток и диких гусей. А сегодня отец дал ему колчан с самыми острыми и тяжёлыми стрелами — на волков с другими не ходят. Олагай был невероятно горд собой и напряжённо всматривался в тёмную стену леса. Тамерис тоже держала лук и ласково поглаживала своего любимого жеребца, которому явно надоело стоять без толку в засаде, то ли дело хорошая скачка на просторе.

Вдруг за деревьями мелькнул тёмный приземистый силуэт: волк! Тамерис натянула тетиву, и в тот же миг на тропинку выскочила серая, с подпалинами волчица. Тамерис непонятно

почему решила, что это именно волчица. Они встретились глазами — испепеляюще сверкнул взгляд зверя, зелёный, тяжёлый, исполненный ненависти и злости. Тамерис даже пошатнулась в седле, но прицелилась и пустила стрелу, тут же крикнув сыну: «В погоню!» Скачка была долгой. Стрелял из лука Олагай, ещё раз спустила тетиву Тамерис, проводив свистящую стрелу взглядом. Волчица сбавила темп, Тамерис заметила на листе лопуха капли крови и поняла, что зверь ранен. «Поторопись!» — крикнула она сыну. Она уже почти настигла волчицу, но та вдруг резко свернула в сторону, бросив взгляд на охотницу. Тамерис вновь ожёг яростный свет зелёных глаз. Тамерис тоже повернула влево, но волчица как сквозь землю провалилась. С Олагаем они изъездили рощицу, где исчезла волчица, вдоль и поперёк, но зверя не было. Но тут совсем близко раздалась громкие голоса. Тамерис услышала, как зовёт её Берекет, и выехала навстречу. Охотники были радостно возбуждены. Оказывается, они сумели выследить большую стаю, убили вожака — матёрого волка, подстрелили ещё с пяток хищников помельче, а самое главное — в логове обнаружили семерых волчат, сумели их захватить и прикончить. От удачливых охотников сумела вырваться только одна волчица — подруга вожака.

— Так она на нас выскочила, я её задела стрелой.

— И я стрелял, это я её ранил, — кричал Олагай.

— Ну, конечно, ты, кто же ещё у нас такой молодец?!

— Ну раз она такой след кровавый оставила, значит, долго не проживёт, — Берекет одобрительно потрепал сына по голове...

Лошади фырчали, пятились и никак не хотели приближаться к убитым волкам: звери пахли жестокостью и смертью. Пришлось посылать за повозкой, запряжённой самой смиренной и покладистой лошадкой. И вот сейчас звериные шкуры сушились в тени, а в хаче охотники продолжали отмечать победу в схватке с жестоким и коварным зверем.

Тамерис не могла уснуть: только смежит веки — и перед ней вновь зелёный злобный огонь волчьих глаз... и ненависть, одна только ненависть.

Прошло много дней, жители селения успокоились — волки больше не появлялись. За привычными и радостными хлопотами Тамерис вроде бы и забыла ту встречу на тропинке и готовилась проводить мужа в дальнейшее путешествие на побережье, куда в это время приходили торговые суда из-за моря. Караван готовился основательно: в тюки складывали вяленое мясо, сушёные сыры, выделанные шкуры, ссыпали в мешки просо, упаковывали сшитые мастерами лёгкие сапоги-ноговицы, расписные глиняные кувшины, изделия из золота и серебра, которыми славились местные мастера. Князь впервые решил

взять с собой сына, и Олагай жил радостным ожиданием дальнего путешествия и чудес, о которых так много рассказывал отец.

В путь отправились рано утром. Попрощались, посмеялись, что Олагай крепился и не плакал, ведь он джигит, но глаза у него были грустные. Маму он крепко-крепко обнял, сказав, что привезёт ей самый-самый прекрасный подарок, а за отца пусть не беспокоится, ведь он, Олагай, берёт с собой самый настоящий кинжал и сумеет защититься от любых врагов. Тамерис улыбнулась, но ей почему-то было грустно: впервые сын так надолго покидал родной дом. День в хлопотах прошёл быстро: Тамерис посидела у постели хворающей свекрови, проследила за работой жнецов, проведала конюшни, проверила, как хранится сено и достаточно ли яблок и груш сушится на зиму на дымных кострах.

Вечером, расчёсывая длинные золотистые волосы, вспоминала, как муж гордится её косами, говорит, что волосы у жены — цвета спелой алычи и светятся точно так же, как летнее солнце. Тамерис долго ворочалась на ложе, сон не шёл. Молодой месяц тонким серпиком разрезал синий небосвод, вбирая в себя отблеск звёзд. Небесные светила кружились, вспыхивали, гасли. «Кажется, засыпаю», — прошуршала ленивая мысль. И вдруг среди этого сияния зелёным огнём загорелись две яркие звезды. «Как

глаза у той волчицы», — вздрогнула почти во сне Тамерис.

Но тут створки высокого окна княжеского терема внезапно распахнулись, зелёные глаза оказались напротив Тамерис, и она поняла, что это не сон. Но страха не было. Серая, с подпалинами волчица, та самая, из оврага, сидела напротив юной княжеской жены и внимательно смотрела на неё.

— Вот мы и встретились, я давно этого ждала, — человеческим голосом заговорила вдруг волчица.

И Тамерис ничуть не удивилась этому. У виска забились тоненькая жилка, Тамерис села на ложе и очень тихо вздохнула.

— Ты меня боишься, — по-своему истолковала это движение волчица, — и правильно делаешь. — Я пришла за тобой, твоим мужем и сыном. Но я опоздала, долго заживали раны от ваших стрел. Я поняла по запаху, что твой муж и сын уехали. С ними уехало много воинов и лошадей. За них отвечать будешь ты. Я хотела убить вас всех. За моего волка, отца моих детей. За моих детей, их было семеро. За мои раны. За моих собратьев.

Тамерис вспомнила волчьи шкуры, распяленные на хвостинах. Одна огромная, семь маленьких и ещё пять или шесть среднего размера. Тёмно-серая шерсть чуть шевелилась под лёгким ветерком. Не верилось, что ЭТО было совсем недавно комком мышц и злобы.

— Когда я поняла, что в доме осталась только ты, я хотела тебя убить. Но не сделаю этого. Мои раны были тяжёлыми. Я знаю, что мне осталось жить недолго. Ты — будешь вместо меня. У тебя верный глаз, ты правильно выбираешь путь, ты молодая, и у тебя много сил. Я заберу тебя с собой, и ты станешь мной.

Тамерис вскочила и кинулась к столу, где лежал кинжал. В мгновение огромные белые зубы щёлкнули у её горла. Волчица прижала Тамерис к стене.

— Не торопись. Я оставляю тебе жизнь. Ты будешь предводительницей стаи. Это очень почётно и ответственно. Ты станешь настоящей волчицей. И знаешь, почему? Тебе некуда будет деться. Твой муж и твой сын остаются у нас в заложниках. Оберегая их, ты будешь делать всё, что тебе прикажут стая и я. Ты станешь женой молодого и сильного волка, они подрастают и хорошо учатся. О, я вижу, что ты станешь главной в наших лесах, потому что ты принесёшь свой человеческий ум на службу стае, ты очень умная и хитрая.

Зажатая в углу могучей волчицей, Тамерис молча слушала, и сердце её билось всё сильнее и сильнее. «Хоть бы умереть вот здесь, сразу, сейчас, чтобы кончился этот кошмар...»

— Тебе предстоит долгая и славная жизнь. Ты ведь хочешь увидеть, как вырастет твой сын, как он женится и как у него родятся внуки. Но его жизнь

зависит от тебя. Веди себя лично, а то, даже если меня не станет, его разорвут другие, которые тоже жаждут мести за своих родных.

Тамерис не поняла, что произошло: волчица прыгнула на неё, предплечье обожгла мгновенная боль, и княгиня почувствовала, что сползает по стене на пол. Но почему она опирается не на ноги... Откуда эти лапы? Тамерис вытянула руки, чтобы приподняться, но перед глазами появились золотистые мохнатые лапы с загнутыми чёрными когтями.

— Не-е-е-т, — закричала Тамерис, но звук не шёл из горла, только какой-то хрип. Звякнула, падая на пол, ажурная металлическая заколка из её волос.

И Тамерис поняла, что своим укусом предводительница превратила её в волчицу.

Две тени метнулись из княжеского дома через забор. Только в конюшне беспокойно заржали лошади. А собаки? Да не было ещё тогда, в те древние времена, никаких собак. Княжеский двор охраняли только люди, которые в отсутствие хозяина позволяли себе смотреть вполглаза и слушать вполуха.

И началась новая жизнь Тамерис. Старая волчица учила её всему, что положено знать серому и сильному хищнику: как охотиться, как читать следы и путать пути отхода, как устраивать засады и прятаться в чаще, как выбрать логово, какими растениями лечить раны и болезни

и много чего другого. Тамерис легко научилась волчьему языку, стала понимать птиц, что очень важно, ведь те же сороки и сойки знают все новости леса и его окрестностей. От них-то Тамерис и услышала, что князь был сильно огорчен исчезновением жены, его гонцы разъехались по соседним землям и всюду искали молодую жену князя. Олагай забыл, что он сильный мужчина, и плакал навзрыд. С ним случилась горячка, несколько дней он был между жизнью и смертью. Сойки рассказали об этом Тамерис, и она попросила отнести на окно сына мох — уснею из самой глубины леса. Этот мох впитывает пот и облегчает страдания при горячке. Тамерис помнила, что старая нянька её сына, которая наверняка и ухаживает за Олагаем, сама когда-то рассказывала ей про уснею, только жаловалась, что далеко за ней ходить. Нянька поймёт, что делать с уснеей.

Старая волчица в эти дни была особенно внимательна к Тамерис и следила за каждым её шагом. Тамерис не выдержала и попросила у волчицы позволения навестить сына.

— Ты что, твоё появление его убьёт! Если хочешь, пойдём туда ночью, но близко подходить не будем. Посмотришь на окно.

Ночью они подошли к княжескому дому насколько возможно, чтобы не услышали волчьего запаха чуткие лошади. Тамерис сидела на залитой лунным светом поляне, представила, как мечется

на смятых простынях её маленький Олагай, сжигаемый внутренним огнём, хотела заплакать, но вместо этого подняла голову и тоскливо завывала.

Заржали лошади в конюшне, забегали вдоль стены часовые, послышались крики и звон оружия.

Волчица злобно щёлкнула зубами и погнала Тамерис прочь от этого места. Всю ночь Тамерис снился её сын, а утром сойки принесли новость о том, что Олагай ночью кричал, метался по кровати, но потом в один миг покрылся обильным потом, затих и уснул глубоким сном. Судя по всему, пойдёт на поправку.

А потом наступила осень, за ней пришла зима. Князь прекратил поиски Тамерис, смирившись с потерей.

Тамерис с каждым днем входила в силу, у неё стали прорываться командные нотки, когда она выходила на охоту. К слову, она сразу поставила условие: пищу стая добывает только в честной охоте в лесу. Набеги на незащитные дома местных жителей прекратить. Волчица была вынуждена согласиться с этим. Она уже готова была уступить своё место Тамерис, потому что гордилась своей воспитанницей и видела в ней все задатки вожака. А ещё ей очень нравилось, что шерсть у молодой волчицы была какого-то золотистого оттенка, сохранив память о её длинных косах.

— У тебя родятся очень красивые волчата, — повторяла предводительница. Тамерис хмурилась в ответ.

А однажды она привела к Тамерис молодого и сильного волка и сказала, что он готов составить ей пару. Тамерис с рычанием кинулась на волчицу, и та благородно отступила.

А молодой волк, которому новая волчица стаи очень нравилась, начал свои ухаживания, принося к логову Тамерис лучшие куски из последней добычи. А Тамерис плакала по ночам, чувствуя, как всё больше уходит из неё человеческое начало, вытесняется волчьим сознанием. Она уже понимала своих собратьев нутром и чувствовала себя зверем в любой ситуации. Но по ночам к ней вновь приходил муж, целовал, гладил завитки на затылке, обнимал так, что сердце у неё замирало. А потом смеялся с ней сынишка Олагай, докладывая о своих подвигах и о том, как продвигается он в джигитовке и умении владеть мечом.

А ближе к весне, когда набухли серёжки на лещине, сойки сказали Тамерис, что её муж надумал жениться и берёт себе в жёны дочку соседнего правителя.

Тамерис кинулась в сторону, потом потерянно остановилась, ей очень захотелось заплакать, но она не смогла этого сделать, только тоскливо завывала. Не по мужу, нет. Она боялась за Олагая, которому придётся жить с мачехой. И вряд ли теперь отец, увлечённый

другой, будет ему верным другом, как прежде.

А спустя какое-то время Тамерис приняла ухаживания молодого волка, решив отомстить таким образом мужу за измену.

Молодого волка она всё же потом прогнала, не лежала душа к нему, если можно было назвать душой остатки её человеческого сознания. Что в ней зреет новая жизнь, Тамерис поняла только по понятным ей одной признакам. И в назначенный срок на свет появились четыре чудесных мохнатых комочка: три серых и один — золотистого цвета, чем-то неуловимо похожего на девичьи косы Тамерис.

Старая волчица всё чаще и чаще уступала своё место Тамерис, видя, как та превращается в сильную и опытную хищницу — достойного предводителя стаи. По разумению старой волчицы, ничего человеческого в Тамерис уже не осталось, и она может спокойно уходить, не боясь за судьбу своих собратьев.

Она наблюдала, как Тамерис кормит и учит своих четырёх волчат, и хвалила себя за то, что когда-то приняла верное решение — привести Тамерис в лес. Она — лучший волк стаи.

Но это было не так. В самой глубине волчьего сознания у Тамерис всё же билась мысль о сыне, о том, что он нуждается в материнской теплоте — и только она, истинная мать, может его защитить и уберечь от жизненных невзгод. Она не понимала

сама, как это происходит, но она разговаривала с сыном, и он ей отвечал. И потому Тамерис уже без всяких соек знала, что происходит у него дома и как плохо её Олагаю.

И она решилась. В ту ночь, когда старая волчица должна была отбыть на Совет зверей, она вновь мысленно обратилась к сыну.

— Олагай, любимый, я всё знаю и понимаю. Я далеко, но всегда думаю о тебе. У тебя есть братья. Они появились на свет не по моей воле, но один из них станет тебе настоящим другом и защитником. Ты утром найдёшь его за оградой. Вы сразу узнаете друг друга. Береги его и никуда не отпускай от себя. Он быстро вырастет, и ты во всём можешь полагаться на него.

Олагай слышал во сне свою мать, разговаривал, отвечал. Нянька видела, как мечется на постели Олагай, перепугалась, что снова начинается жар, но нет, просто мальчишка во сне звал свою мать и ещё что-то говорил. Нянька вздохнула, она видела, как равнодушен к сыну стал отец, увлечённый молодой женой, и жалела ребёнка.

А рано утром будто неведомая сила повела Олагая к воротам. Охранник помог ему приоткрыть одну створку, и Олагай увидел сидящий чуть поодаль невероятно милый и мохнатый золотистый комочек. Так вот о ком говорила во сне мать! Это его брат! Олагай со всех ног кинулся

к рыжему существу, схватил его, прижал к груди. Стражник остановил мальчишку: — Зачем тебе этот волчонок? Да еще рыжий? На шапку? Но Олагай не ответил и поспешил к себе. Волчонок, а это действительно был один из четверых сыновей волчицы Тамерис, лизнул Олагая в нос, и тот сразу понял, что ближе и роднее у него никого больше нет.

Домашние было воспротивились, но Олагай отстоял своего питомца. И даже старая нянька, которая больше всех кричала, что не допустит волчонка в дом, умилялась, глядя, как весело играет Олагай с этим пушистым существом. Олагай стал звать его сначала Хъэ, что когда-то переведут как «собака», а потом, брат все же, как сказала во сне мама, придумал ему имя Мышид, что значит «нечто». Наверное, не виданное ранее нечто.

Они стали не разлей вода. Куда Олагай, туда и Мышид. Хъэ принимал участие во всех мальчишеских забавах, а когда Олагай занимался джигитовкой, не отставая бежал за лошадьёю. В занятиях по бою на мечях Мышид сразу понял, что Олагай сражается с противником, и всё норовил повиснуть на руке у «врага». Мышид рос быстро, и первое испытание прошёл, когда вымахал ростом с полтелёнка: когда Олагай, купаясь с друзьями на быстрой реке, попал в водоворот, Мышид стрелой бросился с берега в воду и вытолкнул Олагая на поверхность.

И тот, вцепившись в рыжую шерсть верного друга, доплыл до берега. Мышид чётко различал своих и чужих, к отцу Олагая был равнодушен, мачехи сторонился. Но если чуял приближение чужого человека, а чуял издалека, заливался лаем.

Когда нянька впервые услышала его робкое потягивание, свои слова насчёт волчонка взяла назад. — У волков таких звуков нет, — объяснила она. — Наверное, это точно другое существо.

Мама приходила к Олагаю во сне всё реже и реже, и не потому, что он её забывал, а потому, что Тамерис всё больше и больше становилась волчицей. И только одна крохотная точка в её сознании сохраняла образ сына.

Ближе к зиме Олагай впервые взял Мышида на охоту. И не пожалел. Тот уверенно бежал вперёд, принохиваясь к тропе, и вскоре Олагай настиг косулю. Но Мышид вдруг свернул в сторону, Олагай тогда махнул рукой на добычу, поскакал за своим верным другом и увидел, что тот выскочил на большую поляну. «Что он там увидел?» — Олагай натянул поводья и остановил коня, оставшись в тени большого ореха.

А Мышид нёсся через всю поляну, явно заметив что-то интересное. И резко затормозил всеми четырьмя лапами. Из-за кустов на него смотрели... Такие же, как и он, существа, только серого с подпалинами цвета. Их было трое. И пахло от них так

знакомо, так волнующе. Мышид думал, что он уже забыл этот запах, но нет. Это был запах тепла и заботы, ласкового прикосновения... Прикосновения чего? И он вспомнил! Вспомнил, что это его братья, что у него была мама — большая, тёплая и мягкая. И он увидел её. Она, выводящая своих трёх оставшихся сыновей на охоту, смотрела на Мышида... и куда-то — через него — вдаль.

А там, вдали, был Олагай. Её Олагай! Все её дети встретились на лесной полянке, только Мышид радостно вилял хвостом, узрев своих братьев, а Олагай видел, что его верного друга окружили волки.

Он сорвал с плеча лук, выхватил из колчана стрелу и натянул тетиву. Дзы-ынь, — запела струна, и за миг до этого Тамерис прыгнула в сторону, на ходу сбив лапой трёх своих волчат, и на мгновение встретилась взглядом с Олагаем. Стрела впиалась в старый дуб и долго обиженно звенела, не найдя более достойную цель. Олагая словно что-то обожгло.

— Мама, — почему-то закричал он, и эхо повторило: мама, мама, мама...

Мышид подбежал к нему, Олагай слез с коня, уткнулся в рыжую шерсть своего друга и отчего-то разревелся как маленький...

А Тамерис неслась по лесу, и трое её сыновей бежали следом.

— Я видела его, это мой сын, он стал таким большим. Настоящий охотник. Им можно гордиться. И рядом с ним второй сын, родившийся волчонком. И он тоже стал таким красивым, — говорил ей один голос. — Постой, он ведь чуть не убил тебя? — говорил другой. — Да, человек должен охотиться и убивать — добычу, чтобы есть мясо, волков, чтобы не мешали ему жить, а мой сын-волчонок теперь служит ему, человеку, — горячился другой голос. — Они теперь всегда будут вместе — человек и бывший волчонок, благодаря мне ставший другом моему сыну, — возражал другой...

В ушах у Тамерис всё звенело. Она остановилась и подозвала трёх оставшихся сыновей.

— Идите к стае. Вы уже большие. Я многому вас научила. Вы уже обойдётесь без меня. Скажите старой волчице — пусть пойдёт умирать. Я не смогу стать предводительницей. Идите же, она подтолкнула носом молодых волков по направлению к логову, а сама резко развернулась и понеслась со всех ног туда, на скальный обрыв, куда часто приходила, потому что именно оттуда, как ей казалось, она видит родной дом... Но это ей только казалось, потому что вокруг были только леса и горы. Может быть, большой обломок скалы вдали и был похож на старый дом, белеющий сквозь кроны деревьев...

Маленькая красная точка в её волчьем сердце учащённо билась, становясь всё меньше и меньше... Уходила, истаявала в ней человеческая сущность.

Тамерис остановилась на краю пропасти.

— Прости меня, мой маленький Олагай. Я сделала, что смогла, — отдала часть своей человеческой души сыну волка, и он навсегда станет тебе другом. От него пойдут потомки, которые будут верными спутниками человеку.

— Прости меня, мой маленький рыжий волчонок. Нет, уже не маленький, уже не волчонок. Ты теперь живёшь среди людей, и это лучшее, что я смогла сделать, став зверем.

— Прости меня, старая волчица. Я не смогу быть вашей предводительницей. Ведь я родоначальница злейших врагов волков, которые пойдут от моего рыжего лохматого сына. Но я ещё человек, и зовут меня Тамерис.

И она с разбега прыгнула с обрыва. А эхо долго разносило по ущелью: — Тамерис, Тамерис, Тамерис...

Потом люди назовут это ущелье Волчьими воротами, но никто никогда не узнает, что здесь произошло много-много тысячелетий тому назад.

А Мьшид у Олагая вырастет в здорового лохматого пса, потомков которого назовут намного позднее кавказскими овчарками. Сильнее и преданнее человеку не будет на земле существа.